

О ЦЕРКОВНОМ УПРАВЛЕНИИ В ПУСТОЗЕРСКЕ В XVI—XVII в.

В статье рассмотрены малоизученные вопросы церковного управления на востоке Вологодской епархии в XVI—XVII в. Речь идет о пяти церковных приходах в районе реки Печоры — трех в Пустозерске и по одному — в слободах Усть-Цильма и Ижемская. Низшее звено церковной организации здесь составляли попы-заказчики, а с разовыми полномочиями приезжали архиерейские слуги из Вологды. Отношение местного духовенства к последним отражено в челобитной, опубликованной в Приложении к статье.

Ключевые слова: епархия, приходы, попы-заказчики, челобитная

Огромный территориальный размах русских епархий в эпоху Средневековья общеизвестен. Особенно впечатляет он на севере, входившем с XI—XII в. в две наиболее древние церковные институции Северо-Западной и Северо-Восточной Руси — Новгородскую и Ростовскую. С образованием в 1383 г. Пермской (позднее — Вологодско-Пермской, Вологодско-Белозерской) епископии началось «разукрупнение» церковной юрисдикции обширного северного края, за которым в Московской Руси XVI—XVII в. закрепилось название Поморье. В 1658 г. на севере образовалась еще одна — Вятско-Пермская — епархия, а в 1682 г. были открыты Холмогорско-Важская и Великоустюжско-Тотемская епархии [Верюжский, с. 72—99; Покровский, с. 56—57, 361—362, 365; Седов, с. 422—452; Соловьева; Черкасова].

Система церковного управления и формирование межъепархиальных границ в Поморье изучены неравномерно. Для примера укажем на самый восточный уголок Вологодской епархии «у Студеного моря» — Пустозерск с его округой, расположенной в среднем и нижнем течении мощной реки Печоры. По принятому в литературе историко-экономическому районированию Пустозерск с уездом относился к северо-восточному Поморью (наряду с Кеврольско-Мезенским, Яренским уездами) [Васильев, с. 24]. Вологодским епископам в XVII в. здесь подчинялось пять приходов — три в Пустозерском остроге и по одному в Ижемской и Усть-Цилемской слободах. Но каково происхождение этой их церковной принадлежности столь далеко от Вологды?

Христианизация живущих на Печоре самоедов (ненцев-оленьеводов), коми-пермяков и коми-зырян не то что в XVII, но даже и в XIX в. была далека от завершения¹, а пришлое русское население оставалось редким. Суровые природные условия исключали земледелие. Зато край был богат промысловыми ресурсами: море, тундра, реки делали возможной добычу моржей, тюленей, красной и белой рыбы, песцов, горностаев, куниц, диких оленей; имелись также птичьи и звериные «ловища», полезные ископаемые. В далекую землю Печоры и Югры еще в конце XI в. посылал своих отроков за пушной данью новгородец Гюрята Рогович. Сведения о даннической зависимости Перми и Печоры от Новгорода имеются и от конца XII в. [Макаров, с. 34—35].

В. Л. Янин обратил внимание на запись в Вычегодско-Вымской летописи под 1333 г., отождествляющей «черный бор» с ордынским выходом [Янин, с. 98—100]. Его выплата в начале 1330-х годов с Вычегды и Печоры была разделена между устюжцами и новгородцами. В результате конфликта с ними в 1333 г. Иван Калита «почал взимать дани с пермские люди»². Скорее всего, не ранее 1333 г. им была выдана жалованная грамота печерским сокольникам «Жиле с други»³. Морским промыслом на Печорской стороне Иван Калита по согласованию с новгородским посадником Данилом и тысяцким Аврамом разрешал заниматься ватаге из 20 человек во главе с неким Михаилом⁴.

При московских великих князьях Иване Калите, Семене Гордом и Иване Красном земли на Печоре передавались в кормление, о чем говорится в жалованной кормленной грамоте Дмитрия Донского 1383—1389 г. Андрею Фрязину, сменившему на этом посту своего дядю Матфея⁵. Двигаться на Печору кормленщик мог, взяв «подводы в Перми, так было и доселе», то есть дорога шла с Перми Вычегодской. Через нее и далее на реку Вымь — Пожеское городище — реку Ижму вел один путь на Печору, тогда как через Мезень — ее приток Пезу и далее на реку Цильму — другой [Макаров, с. 31—33]. И если первый путь вполне определенно можно связать с великокняжеским данническим продвижением на Печору, начавшимся на рубеже XIII—XIV в.⁶, то второй — с новгородским.

Первый путь при Дмитрии Донском был усилен основанием в Перми Вычегодской новой епархии и миссионерской деятельностью Стефана Пермского. В этой связи между Москвой и Новгородом возник конфликт из-за «пермской дани» (с «устюгских мест пермских»). С целью его урегулирования в 1386 г. состоялся визит Стефана Пермского в Новгород, чтобы добиться от республики отказа от притязаний на Пермь Вычегодскую и

¹ Дневник В. Н. Латкина во время путешествия в Печору с 1840 и 1843 гг. СПб., 1853. Ч. 1. С. 101; Краткое историческое описание приходов Архангельской губернии. Архангельск, 1895. Вып. 2. С. 306—306, 383.

² Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихеевская) летопись // Историко-филологический сборник. Сыктывкар, 1958. Вып. 4. С. 257.

³ АСЭИ. М., 1964. Т. 3. № 2.

⁴ Там же. № 3.

⁵ ГВНП. № 87.

⁶ Там же. № 83.

дань с этой земли⁷. Спустя сто лет, жалованной грамотой Ивана III пермскому епископу Филофею 1482/1483 г. был подтвержден административно-судебный порядок и иммунитет Пермской кафедры, существовавший со времен Дмитрия Донского⁸.

В 1491 г. в Печерский край на реку Цильму Иван III отправил немца И. Илариева, нескольких фрягов (выходцев из Южной Европы) и детей боярских на разведку и добычу меди, железа, серебра⁹. В 1499 г. в ходе военного похода князя Петра Ушатого и князя Семена Курбского с 700 людьми в землю югры и вогуличей «на Печоре-реке на Пусте»¹⁰ был основан город Пустозерск «и самоядцев за князя великого привели»¹¹. Население возникавших в ходе колонизации приходов тяготело к «Вымскому присуду», то есть в церковном отношении — к Пермской епископии [Семушин, с. 62]. В грамоте Ивана III жителям Перми 1484/1485 г. указано на институт «поповских старост мирских», собиравших владычную и церковную дань и отдававших ее десятильнику на Усть-Вымь¹².

В дальнейшем подведомственная Пермской кафедре территория (Вычегда, Вымь, Сысола, Ужга, Удора) расширяется на восток. В верховьях реки Мезени находилась Глотова слободка с церковью Ильи Пророка, на которую сохранилась жалованная оброчная грамота пермского епископа Киприана от 20 сентября 1554 г. Приход на тот момент был малочисленный — всего 13 дворов. Крестьяне сами приглашали к себе попа («кого приговорят к той церкви пети»). Церковный причт по истечении годовой льготы должен был платить архиерейский оброк на Рождество Христово¹³.

В связи с притоком промыслового населения на Печору из районов Двины, Пинеги и Мезени в 1540–1560-е годы появились церковные приходы в Ижемской, Усть-Цилемской слободках и Пустозерском посаде. Здесь церковь Николая Чудотворца была основана слободчиком Иваном Дмитриевым с. Новгородцевым (Ласткой), который «попа устроил, как ему мочно прожить»¹⁴. К 1564 г. в Пустозерске имелись еще две церкви — Спаса-Преображения и Введения Богородицы. Вместе с церковью Николая Чудотворца они получали государеву милостыню-ругу в сумме 3,5 рубля. Церковные причетники также могли безоброчно владеть морскими тонями, где велся промысел красной рыбы¹⁵. Три прихода в 1564 г. вполне соответствовали тогдашнему населению Пустозерска — 144 двора и в них 289 человек «русаков и пермяков», плативших 80 рублей в приказ Большого прихода¹⁶.

В 1574 г. Вас. Агалиным и подьячим С. Старостиным был проведен дозор Пустозерской волостки и образован присуд, включивший Ижемскую и Усть-Цилемскую слободки, отписанные от Вымского присуда и присоединенные к Пустозерску с его тремя приходами¹⁷. Дозор дошел до нас в виде платежницы, направленной из приказа Большого прихода пустозерскому данщику Третьяку Асеневу. На основании этого факта Д. Семушин считал, что в 1575 г. территория Пустозерского уезда окончательно сформировалась [Семушин, с. 62]. Вопрос этот нуждается в дальнейшей разработке, ведь первое писцовое описание уезда было проведено лишь в 1678/1679 г.¹⁸ Более уверенно можно говорить об образовании административно-церковного подразделения на крайнем востоке Пермско-Вологодской епархии. Пустозерская волостка (так по-новгородски названа она в описаниях 1560–1570-х годов) тяготела к Двинской земле, а в ее составе «ближе всего», за 500–1000 верст (если смотреть с востока на запад) был Кевроло-Мезенский уезд, описываемый до 1623 г. двинскими писцами¹⁹ [Воскобойникова, с. 247].

Приходо-расходные книги Вологодского архиерейского дома документируют пребывание пустозерских церквей в составе этой епархии с 1620-х годов. Сведения о сборе вечных пошлин в церквях Пустозерска и в Усть-Цильме за 1623/1624–1626/1627 г. находим в книге за 1627/1628 г.²⁰ О церковном управлении здесь говорится в одной отписке 1660/1661 г. и приходо-расходной книге 1677/1678 г. Отписка была направлена вологодскому архиепископу Маркелу из Пустозерского острога попом Ив. Афанасьевым и посадским человеком Ив. Яковлевым. В ней упоминалась прежняя святительская казенная грамота, по которой данному церковному округу разрешалось избирать из среды местного духовенства священника для сбора церковной дани и вечных, новоявленных пошлин. За 1660/1661 г. было собрано 7 рублей 4 деньги, посланных вместе с приходными книгами заказчика архиерею²¹.

⁷ Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихеевская) летопись. С. 260.

⁸ АСЭИ. Т. 3. № 291.

⁹ Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихеевская) летопись. С. 256.

¹⁰ Пустое озеро — это залив в устье реки Печоры (Краткое историческое описание приходов Архангельской губернии. С. 396).

¹¹ Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихеевская) летопись. С. 256.

¹² АСЭИ. Т. 3. № 291а.

¹³ Михайлов М. И. Описание Усть-Выма. Вологда, 1851. С. 328–329; Вологодские губернские ведомости. 1852. Часть неофиц. № 52. С. 590.

¹⁴ Дневник В. Н. Латкина во время путешествия в Печору с 1840 и 1843 гг. Ч. 2. С. 141.

¹⁵ Садиков П. П. Очерки по истории опричнины. М.—Л., 1950. Приложение. С. 463–466.

¹⁶ Там же. С. 466.

¹⁷ Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихеевская) летопись. С. 266.

¹⁸ Писцовые книги русского севера. М., 2001. С. 295.

¹⁹ Там же. С. 268.

²⁰ Приходо-расходные денежные книги Вологодского дома св. Софии и окладные книги церквей Вологодской епархии. XVII — начало XVIII в. / Сост. Н. В. Башнин. М.—СПб., 2016. С. 137.

²¹ Государственный архив Вологодской области. Ф. 1260 (Коллекция столбцов). Оп. 1. № 1807.

Избрание заказчика из своей среды было для местного духовенства предпочтительнее, нежели выплата «заезда» присылаемому архиереем должностному лицу (как бы он ни назывался: заказчик — заещик — подъезчик), о которой упоминалось в грамоте вологодского епископа Киприана Готовой слободке 1554 г.

В более ранней жалованной Ивана III жителям Пермской земли 1484/1485 г. фигурирует поповский староста мирской, который мог собирать владычную и церковную дань в Перми Вычегодской и отдавать ее усть-вымскому десятильнику²².

Согласно приходо-расходной книге 1677/1678 г., заказным попом в Пустозерске был священник Спасо-Преображенской церкви Тимофей. В порядке замещения этой должности принципы выборности (причем всех храмов данного округа) и назначаемости (в казенном приказе архиерея как санкция/согласие на состоявшееся на местах избрание) могли сочетаться. Собранные платежи заказчик Тимофей отправил с волостным посыльщиком в Москву, где на тот момент находился вологодский архиепископ Симон²³.

Помимо заказных попов, управление столь отдаленным от Вологды районом осуществлялось через присылаемых туда время от времени архиерейских детей боярских с какими-либо разовыми функциями. Это открывало для них возможности для злоупотреблений, ярко описанные в одной челобитной. Документ не датирован, но адресован архиепископу Симону, служившему на кафедре в 1664–1685 г. Авторы челобитной в начале не поименованы, однако в конце имеются подписи разными почерками трех священников — спасского Ивана Афанасьева (упомянутого выше, а в 1620-е годы в том же храме известен поп Афанасий, скорее всего, его отец), пречистенского (церкви Введения Богородицы) Акима Григорьева и никольского Осифа Михайлова «в место детей своих духовных». Это позволяет считать челобитную «мирской», направленной от всего населения Пустозерского острога и его округа — не более «ста избенок и сарашков». Так назывались сезонные помещения для промысловиков в период добычи белой рыбы.

Челобитчики называют себя «бедные пермячишка, остяченки, людишка роду пермяцкого». Присланного к ним архиерейского сына боярского Семена Губина, заковывавшего их в железа и сажавшего в колодки, они называют «хищник и злоимец-сребролюбец». Тот же, в свою очередь, обвинял их в недостаточной христианизации как полуверных, нарушении канонических правил брака — «будто мы изженилися в сродствах и сватовствах». Место своего проживания они указывают как очень отдаленное от русских городов, за непроходимыми лесами и болотами, среди других иноверцев — самоедов. Челобитчики жалуются, что за них не выдают замуж невест из русских городов. В Пустозерске не хватало также святительских грамот и «правильных книг», то есть каких-либо списков с Кормчей о счете родства-сватовства-кумовства. Все перечисленное свидетельствует о недостаточной церковной дисциплине в отдаленных приходах Вологодской епархии на Печоре, а еще о трудностях церковной жизни в местных этно-конфессиональных и демографических условиях. Челобитчики просили архиерея не только прислать к ним в Пустозерский острог святительскую грамоту, но и принимать церковную дань и вечные пошлыны с этих мест непосредственно на Вологде.

Таким образом, при вычлениении вопроса о церковном управлении в Пустозерске нельзя было не коснуться соотношения спонтанных волн промыслово-земледельческой колонизации русского севера, исходящих от Новгорода и Ростова. Нельзя было не задуматься и еще об одном соотношении — гражданского и церковного управления при устройении огромного края, локальных особенностях внутри обширного пространства, привносимых в том числе и глубокой укорененностью дохристианских традиций местных этносов (коми-пермяки, самоеды). В управлении отдаленными восточными приходами Вологодская архиерейская кафедра использовала разные формы, включавшие как опору на местные сословные группы в лице их выборных представителей, так и назначение должностных лиц архиепископа. Территориальные споры между новообразуемыми кафедрами во второй половине XVII в. и начавшееся движение старообрядцев, устремившихся на восток к Приуралья, осложняли и запутывали этот процесс.

Приложение

Не позднее 1685 г. — Челобитная духовенства Пустозерского острога вологодскому архиепископу Симону о злоупотреблениях его сына боярского Семена Губина, посланного к ним для сбора церковной дани.

(Л. 1) Великому господину преосвященному Симону, архиепископу Вологодскому и Белозерскому, бьют челом государевы сироты паствы твояе дальные морские украинны Пустозерского²⁴ острогу бедные пермячишка. Приезжал в Пустозерской острог твой архиепископлъ сын боярской Семен Губин для збору церковные дани с попов, а нас, сирот государевых бедных пермячишков, сажал в железа и в чеппи ковал и к колодкам и мучил, не щадя, и вымучивал наши бедные остяченка себе, называя нас полуверные, сказывая нам, что будто мы изженилися в сродствах и в сватовствах. А мы, бедные людишка роду пермяцково, не великие, всего избенок и сарашков и со сто нет. А живем от русских городов за далеко, за непроходимыми болоты и тундры и волоками и реками меж иноверцами меж самоедью. И из русских городов в то бедное украинное дальное место за нас, сирот, и за наших детишек никакие люди не выдают. А изженились мы, сироты, в прошлых годах тому лет по двадцати и по сороку, а иным и по штидесят, и отцы наши духовные премерли, а правильных книг и святительских грамот о розчете сродства

²² АСЭИ. Т. 3. № 291а.

²³ Приходо-расходные денежные книги Вологодского дома св. Софии и окладные книги церковей Вологодской епархии. С. 380–381.

²⁴ В ркп. Пустозерского.

и сватовства от них, попов, не осталось. А которые и на нынешних годах женились детишка наши, а венчали и молитвили попы по розчету ли сродств и сватовств, того мы, сироты, и они, попы, не ведают, что правильных книг и ваших святительских грамот в Пустозерском острогу о розчете сродств и свойств не присылавали.

А местишко, господине, безхлебное, кормимся рыбою и зверем. А по нынешние годы за умножение грех наших рыбы и зверя и птицы безпромыслица // (Л. 2) и питались травною, з голоду примерли, а иные в Русь розбрелись. А достальные мы, бедные пермячишка, чуть живы, по сарашкам переезжая, скитаемся. А тебе, великому господину, о твоих святительских грамотах бити челом выволочись не успели.

А как твой святительской сын боярской держал нас и мучил в железах, не опущая к церквам служить и в отъезжие сарайчишка роженицам молитвы давать и младенцы крестить и больных покаивавать. И многие младенцы без молив и без крещения, а боли без покаяния в ту пору умирали, а пономари и дьячки от церковей отстали, а попы хотят на рознь же розбрестить, а нам, бедным, государевым сиротам, остальым пермяченкам без церковной службы, а младенцем без молитв и без крещения, а болям без покаяния перемереть и вконец душами погинуть.

Великий господин, преосвященный Симон, архиепископ Вологодский и Белоозерской, пожалуй нас, бедных государевых сирот, остальых пустозерских пермячишков, вели, государь, о росчете сродств и сватовств и кумовства дати по правилом святых отец свою святительскую грамоту. А вечные пошлины и церковную дань примати у нас, бедных, в Софийскую казну на Вологде. А десятильникам своим святительским детем боярским не вели, господин, в Пустозерской острог въезжать, чтобы нам, государевым сиротам, бедным остальым пермяченкам и попом, от их десятильничья мученья и страху врознь не розбрестися и вконец // (Л. 3) душами и телом не погинуть и государево царское богомолье твоя паствы церкви без службы впусе бы не застоялось.

Великий государь, преосвященный Симон, архиепископ Вологодский и Белоозерский, пожалуй нас, бедных сирот государевых, изволишь посылать любо для какова духовного дела духовна мужа, а не такова хищника и злоишца-сребролюбца.

Милостивый, смилуйся, великий святитель, пожалуй.

На обороте разными почерками: К сей челобитной спаской поп Иван Афанасьев вместо детей своих духовных по их велению руку приложил.

К сей челобитной пречистенской поп Аким Григорьев вместо детей своих духовных по их велению руку приложил.

К сей челобитной никольской поп Иосиф Михайлов вместо детей своих духовных по их велению руку приложил.

Государственный архив Вологодской области. Ф. 1260. Оп. 1. № 6407. Л. 1–3. Подлинник.

Литература

- Васильев Ю. С. Аграрные отношения в Поморье в XVI–XVII вв. Сыктывкар, 1979.
Верюжский В. Афанасий, архиепископ Холмогорский, его жизнь и труды. СПб., 1908.
Воскобойникова Н. П. Из истории описания Кеврольского уезда в XVI – начале XVIII в. // Источниковедение отечественной истории. Сб. статей. 1981. М., 1982.
Макаров Н. А. Русский север: таинственное средневековье. М., 1993.
Покровский И. М. Русские епархии в XVI–XIX вв., их открытие, состав и пределы. Казань, 1897. Т. 1.
Седов П. В. Закат Московского царства. Царский двор конца XVII века. СПб., 2008.
Семущин Д. Русский север: пространство и время. Архангельск, 2010.
Соловьева Т. Б. Церковное управление в России и государственные проекты его реорганизации 1681–1682 гг. // Государственные учреждения России XVI–XVIII вв. М., 1991. С. 37–48.
Черкасова М. С. Великоустюжский архиерейский дом: открытие и начальный этап деятельности (1682–1700) // Вестник церковной истории. 2017. № 1–2 (45–46). С. 193–271.
Янин В. Л. «Черный бор» в Новгороде в XIV–XV вв. // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М., 1983. С. 98–107.

Marina S. Cherkasova
Vologda State University, Vologda, Russia

ON THE CHURCH GOVERNMENT IN PUSTOZERSK IN THE 16th – 17th CENTURIES

Questions of the church government in the East of Vologda diocese in the 16th – 17th centuries are considered in this article. We are talking about five parishes in the Pechora River area – three in Pustozersk and one in slobodkas in the Ust-Tsilma River and in the Izhma River. Lower link of church organization here were priests-zakazchiki, and episcopal servants with occasional powers came from Vologda. The attitude of the local clergy to the latter reflected in petition, published in the Appendix to this article.

Keywords: diocese, parishes, priests-customers, petition

